

Исследования

«Щелкун орехов» — так называлась повесть Гофмана в старом русск. переводе. Le casse-noisettes.
Генерал М.Ф. Орлов (пожаренный декабрист) ещё до 1825 у себя в Мавальск. уезде устроил фабрику стекла и фарфора; за имение это с фабрикой ему предлагали 1 миллион рублей. У него на содержании была Агдотья Истомина. Царь пожаловал генерала ради его брата, раненого 14 декабря и сделавшего кеслык. карьеру, но запретил М.Ф. Орлову бывать в столицах. Однако в 1836 он попытка выступить за Чаадаева. Ответ Бенкендорфа.

В «Копии на Руси жить хорошо» Некрасов под именем Ермила Гирна изобразил владимирск. крестьянина Потаника, к-рый был управляющим у графа Орлова (какого?).

Александр Иванович Левайда (+ 1812) — статск. советник и кавалер, жил в СПб, перевёл «Фоблаза» Лувэ и «Вредные знакомства» Лакло.

Подушная подать в середине XIX в. — 86 копеек серебром в год. За крепостных её вносили помещики.

Исследования

Сюжетная цитата из Набокова в «Хищных вещах века»*

Б. В. Орехов

В «Удовольствии от текста» Ролан Барт недоумевает: «По Башляру получается, что писатели никогда и не писали: благодаря странной выхолащивающей операции получается, что их только читали»¹. Но писатели никогда не писали не только по Башляру. Из этого же фактически исходит и большая часть литературоведческих исследований. Филологическая наука выстроена так, будто писатели никогда и не писали сами, а только читали своих предшественников. Многочисленные работы, представляющие результаты разысканий контекста и интертекстов, зачастую имплицитно предполагают невозможность создания автором оригинального образа или формы. Всё в произведении видится так или иначе восходящим к прочитанному у других авторов.

То, что базовым для культуры является механизм наследования, несомненно. Несомненно и то, что многое в художественном тексте является результатом творческой переработки литературного фона. Но если мы просто перечисляем «источники» (или зачастую просто «что-то похожее») без описания функции и смысла этой переработки для результирующего текста, то мы тем самым умаляем мастерство его автора, обесмысливаем его личный вклад в произведение.

Беспомощность такого подхода хорошо видна на примере поиска «истоков» онегинской строфы. Литературоведам не удалось отыскать образец, на который ориентировался Пушкин в создании своей формы, что не помешало строить шаткие конструкции, увязывающие её с октавой², одической строфой³ или сонетом⁴. По всей видимости, за этим стоит некоторый инерционный механизм, мешающий предположить более простой (а если вспомнить бритву Оккама, верный) вариант, согласно которому Пушкин пошёл по пути пересборки (в терминах Бруно Латура) строфы, объединив в одной строфической композиции все имеющиеся в русской поэзии схемы рифмовки в порядке убывания их частотности или значимости. Сначала чрезвычайно распространенную в первой четверти XIX века перекрестную

* Автор благодарит Санкт-Петербургский государственный университет за поддержку в виде исследовательского гранта № 61630504.

¹ Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М., 1989. С. 492.

² Поспелов Н. С. «Евгений Онегин» как реалистический роман // Пушкин: сб. статей. М., 1941. С. 154.

³ Фомичев С. А. «Евгений Онегин». Движение замысла. М., 2005. С. 25–28.

⁴ Гроссман Л. П. Онегинская строфа // Гроссман Л. П. Собрание сочинений. М., 1928. Т. 1. С. 130–131.

рифмовку, затем две пары сдвоенных рифм с разной длиной клаузулы, имевшие хождение в XVIII веке, потом изысканную опоясывающую рифму и наконец одинарную сдвоенную. Это мог быть способ создать строфу с чистого листа, не отсылая ни к какому конкретному источнику, и тем самым проявить собственное творческое усилие. Почему-то даже за автором такого недостижимого культурного статуса, как Пушкин, литературоведение готово признать создание литературного языка, но не способность писать оригинальные стихи. Созидательный момент в творчестве Пушкина из области видимости филологии исключен, вместо этого фокус смещен на рецепцию: читал ли он кн. Шаликова, у которого есть пример почти такой же строфики⁵?

Каким образом следует действовать, чтобы сохранить разумный баланс между каталогизацией интертекстов и признанием права автора на собственное творческое усилие? Мне представляется, что каждой интертекстуальной параллели необходимо найти функциональную нагрузку в тексте-реципиенте. Иными словами, произведению, в котором обнаружилась отсылка, нужно предложить интерпретацию, в рамках которой эти отсылки будут непротиворечиво работать на понимание художественных смыслов. Самого факта сходства между двумя текстами столь же недостаточно, как недостаточно внешнего сходства между двумя словами, чтобы признать их этимологически родственными в рамках сравнительно-исторического языкознания.

Языковая компаративистика исходит из того, что две морфемы могут быть этимологически родственными, если между ними наблюдается не только формальное сходство (они состоят из одинакового или исторически выводимого как одинаковый набора фонем), но и семантическое. Итальянское *mezzo* и русское *между* не просто похожи внешне, но и имеют общую семантику, поэтому вероятность, что они действительно этимологически родственны, близка к единице. Наивно-этимологические примеры же, напротив, «схватывают» внешнее сходство, но не учитывают дистанцию в семантике. Например, возведение слова «князь» к «конь» требует вымороченной гипотезы, что значение «князь» должно происходить из «человек на коне», при этом игнорируется прямое и главное значение этого слова. На самом деле русское «князь» прямой родственник норвежского *konge* ‘король’, происходящего из прагерманского **kuningaz*. Внешнее сходство не столь очевидно без специальной сравнительно-исторической реконструкции, но семантика подтверждает, что формальное родство не случайно.

Таким же образом — через функциональную нагрузку — должны верифицироваться интертекстуальные параллели.

Пример такого интертекста — не только и не столько имеющего в виду внешнее сходство деталей в двух произведениях, но и вписывающегося в интерпретационную модель — я и хотел бы предложить в настоящей статье.

⁵Сперантов В. Был ли кн. Шаликов изобретателем онегинской строфы? // *Philologica*. 1999. № 3. С. 125–131.

Речь пойдёт о паре произведений, которые до сих пор не ставились в один контекст, хотя и близки по времени появления. С одной стороны, «Лолита» В. Набокова (1953, опубликовано в 1955), с другой, повесть братьев Стругацких «Хищные вещи века» (1964, опубликовано в 1965).

Роман русского писателя-эмигранта от первого лица описывает жизненный путь охваченного патологической страстью к малолетним девочкам великовозрастного мужчины. Он находит предмет своего обожания в дочери хозяйки дома (и в последствии жены), в котором останавливается. После гибели матери уезжает странствовать с её дочерью по США. В конце концов девочку переманивает к себе другой развратник, повествователь убивает его и оказывается в тюрьме.

Фантастическая повесть содержит не так много фантастического. Повествователь, бывший космолётчик (что не оказывает большого влияния на сюжет), приезжает в некоторую неназванную страну на Земле для расследования обстоятельств появления какого-то нового наркотика. Он останавливается в доме одной вдовы, посещает местные аттракционы и в конце концов выясняет, что наркотический эффект имеет не вещество, а определенная комбинация распространенных технических деталей и приборов.

Абсурдно было бы утверждать, что «Лолита» является прямым источником «Хищных вещей века», это совершенно различные произведения, как по сюжету, так и по системе персонажей. Тем не менее, у них заметное количество текстуальных переключек.

Некоторые из них видны уже из краткого синопсиса выше: оба текста построены как повествование от первого лица, в обоих рассказчик, приезжая в новое для себя место, останавливается в доме вдовы. Важно, что в обоих случаях у вдовы есть молодая дочь. Интерес к ней специально подчеркивается в повести Стругацких: «Меня интересует вдова, — сказал я. — И дочка»¹.

Вузи, героиня «Хищных вещей века», заметно старше Лолиты. Иначе и быть не могло, поскольку фантасты прописывают между нею и Иваном Жилиным эротическое напряжение. Такой мотив был бы непредставим в пуританской советской печати, если бы Вузи была младше. Глухие намеки на возможные (но не случившиеся) интимные отношения между Вузи и Жилиным щедро рассыпаны в повести:

— Вы с женой приехали? — спросила Вузи, протягивая руку.

— Нет, — сказал я. Пальцы у нее были прохладные и мягкие. — Я один.

— Тогда я вам все покажу, — сказала она. (с. 279)

Тем не менее, Вузи сохраняет в себе черты детскости, которые позволяют проследить её связь с набоковским персонажем: «люблю смотреть, когда люди смеются, особенно такие, как Вузи, красивые и почти дети» (с. 322).

Совершенно иначе в набоковском контексте читается и такая фраза Стругацких: «в наше время так трудно с молодыми девушками! Так рано развиваются, так быстро нас покида-

¹Стругацкий А., Стругацкий Б. Собрание сочинений. Т. 3. Попытка к бегству. Трудно быть богом. Хищные вещи века. Повести. М., 1992. С. 273. Далее ссылки на это издание даются в круглых скобках в тексте.

ют» (с. 279). Раннее (сексуальное) развитие Лолиты — главный элемент её привлекательности для Гумберта, а то, что она его покинула именно рано (то есть до наступления того возраста, когда девушка уже перестает интересовать набоковского повествователя), стало катализатором трагикомического финала. То есть досужее замечание Вайны Туур служит очень подходящим бытовым комментарием к сюжетной коллизии «Лолиты».

Тема детства вообще одна из центральных в «Хищных вещах века», к ней авторы обращаются в подчас неожиданных рассуждениях: «Еще несколько десятков лет, а может быть, и просто несколько лет, и мы достигнем автоматического изобилия, мы отбросим науку, как исцеленный отбрасывает костыли, и все человечество станет огромной счастливой *детской* <выделено мной — Б. О.> семьей» (с. 309). Разумеется, она же неизбежно является осевой и в «Лолите». При этом в романе Набокова одной из ключевых является сцена (Набоков относит ее к тому, что он называет «нервной системой книги» в послесловии к американскому изданию), в которой Гумберт осознает, что лишил Лолиту детства («... and then I knew that the hopelessly poignant thing was not Lolita's absence from my side, but the absence of her voice from that concord»¹). Прямо о такой судьбе детей в повести Стругацких не говорится, но печальное психологическое состояние младшего брата Вузи подразумевает именно эту темную сторону описанного фантастами общества.

Неназванный город, в котором происходит действие в «Хищных вещах века», несколько раз называется курортом: «На площади все было блестящее, яркое и пестрое. Немного слишком яркое и пестрое, как это обычно бывает в курортных городах» (с. 266); «Кому нужен «Девон» в курортном городе?» (с. 298). На курорт собирался и Гумберт перед знакомством с Лолитой: «Possibilities of sweetness on technicolor beaches had been trickling through my spine for some time before»².

Обоих повествователей привозит в дом вдовы, у которой им предстоит быть постояльцами, мужчина на своем автомобиле. В «Лолите» это господин Мак-Ку, к которому по предварительной договоренности жить у него первоначально приезжает Гумберт (строго говоря, автомобиль он одолжил у миссис Гейз), в «Хищных вещах века» к дому Вайны Туур Жилина подвозит туристический агент Амад.

Дом в обоих текстах разделен на две половины, хозяева занимают правую, а квартирант — левую: «Направо — хозяйская половина, налево — ваша. Прошу... Здесь гостиная» (с. 273); «I was led upstairs, and to the left — into «my» room. <...> We crossed the landing to the right side of the house (where «I and Lo have our rooms» — Lo being presumably the maid)»³.

¹Nabokov V. *Lolita*. New York, [w. y.]. P. 308. «... и тогда-то мне стало ясно, что пронзительно-безнадежный ужас состоит не в том, что Лолиты нет рядом со мной, а в том, что голоса ее нет в этом хоре». Цит. соч. С. 419.

²Ор. cit. P. 36. В переводе параллель более отчетливая: «Еще недавно по хребту у меня трепетом проходили некоторые сладостные возможности в связи с цветными снимками морских курортов». Набоков В. *Лолита*. СПб., 2014. С. 50.

³Ор. cit. P. 38. «Мадам повела меня наверх и налево, в «мою» комнату <...>. Мы перешли через площадку лестницы на правую сторону дома («Тут живу я, а тут живет Ло» — вероятно, горничная, подумал я)» Цит. соч. С. 53.

Вайна Туур и Шарлотта Гейз обе склонны к полноте: «Вдова оказалась моложавой полной женщиной, несколько томной, со свежим приятным лицом» (с. 278); «... but fat Haze suddenly spoiled everything»⁴. С дочерью хозяйки повествователь знакомится в процессе осмотра дома. При этом важный мотив в обоих случаях — мотив яблок. В «Хищных вещах века» у дома яблоневый сад: «В спальню хлынул из сада теплый воздух, пахнувший яблоками» (с. 278). В «Лолите» яблоко становится ключевой метафорой привлекательности нимфетки: «Humbert Humbert intercepted the apple»⁵; «She was musical and apple-sweet»⁶. С яблоком Вузи прямо сравнивается повествователем в повести Стругацких: «она была свежая и крепенькая, как незрелое яблоко» (с. 378). «Недозрелость» в данном случае ещё больше подкрепляет ассоциации с Лолитой.

Перекликающиеся мотивы во внешности двух женских персонажей — загар и гладкая кожа: «У нее были гладкие загорелые ноги, длинные и стройные, и стриженный затылок» (с. 279); «Marvelous skin — oh, marvelous: tender and tanned, not the least blemish»¹.

Госпожа Гейз, говоря о Лолите, довольно точно описывает досуг Вузи Туур: «All she wanted from life was to be one day a strutting and prancing baton twirler or jitterbug»². Примерно так выглядят «дрожки» — коллективные вечеринки, на которых люди оказываются в состоянии измененного сознания под воздействием волнового психоактивного излучения.

Последовательное соположение персонажей как будто нарушает то, что в семье Туур есть младший сын в то время как Лолита единственный ребенок Гейз. Но внимательное чтение романа обнаруживает, что у Лолиты был умерший в младенчестве брат³.

Параллелей, как мы видим, можно провести множество. Но могли ли Стругацкие быть знакомы с набоковским романом до написания «Хищных вещей века»? Русского перевода «Лолиты» к тому времени ещё не существовало, он выйдет в 1967 году, то есть через два года после публикации фантастической повести. Однако английский оригинал уже существовал, и был доступен заинтересованному читателю в СССР.

Учащийся в тот момент в московской аспирантуре Р. Г. Назиров прочитал «Лолиту» по-английски в 1964 году, в том же, в котором Стругацкие пишут свою повесть:

Перед самым приездом Тома я прочёл роман Набокова «Лолита» на английском языке. Изумительный стиль, многое очень правдиво психологически, многое поражает. Это вовсе не порнография, это искусство. Но сцена убийства того эротомана до того правдива, что даже внушает омерзение. Набоков — блестящий талант. Есть страницы, где синтез русского живопис-

⁴Ор. cit. P. 43. «... но толстая Гейз вдруг все испортила...» Цит. соч. С. 59.

⁵Ор. cit. P. 58. «Гумберт Гумберт перехватил яблоко» Цит. соч. С. 79.

⁶Ор. cit. P. 59. «Она была музыкальна, она была налита яблочной сладостью» Цит. соч. С. 81.

¹Ор. cit. P. 41. «Чудесная кожа, и нежная и загорелая, ни малейшего изъяна» Цит. соч. С. 57.

²Ор. cit. P. 46. «Единственное, о чем Ло мечтает, — это дрыгать под джазовую музыку или гарцевать в спортивных шествиях, высоко поднимая колени и жонглируя палочкой» Цит. соч. С. 64.

³Ор. cit. P. 68.

ного стиля старой школы и англо-саксонской повествовательной традиции дает потрясающий эффект. Я бы хотел перечитать «Лолиту» еще раз, если удастся⁴.

В позднейших интервью Борис Стругацкий признается, что плохо знает английский: «Ja ploho znam English i poetomu otvechu po-russki»¹; «я не знаю никаких языков, кроме русского»². Но Аркадия Стругацкого в таком заподозрить было бы нельзя: по своей вузовской специальности он был переводчиком с японского и английского, его знание языка не может быть поставлено под сомнение. Симптоматично и такое признание Бориса Стругацкого: «К Набокову я отношусь с величайшим пиететом, но поклонником его отнюдь не являюсь»³. Вероятно, если набоковский след и правда присутствует в «Хищных вещах века», он появился там благодаря именно Аркадию Стругацкому. Есть основания полагать, что представителю литературного истеблишмента получить экземпляр «Лолиты» было проще, чем провинциальному аспиранту Р. Г. Назирову.

Сама по себе практика интертекстуальных игр Стругацким была не чужда. Признание в этом мы снова находим в интервью Бориса Стругацкого: «Этот прием называется «скрытое цитирование». Прием, достаточно распространенный и весьма эффективный. Приводить в подобных случаях точную ссылку означало бы несколько снизить уровень художественности текста, — взгляд квалифицированного читателя спотыкается, как правило, на такую ссылку, и это, пусть на мгновение, но отвлекает его от текста и снижает градус сопереживания»⁴.

Итак, советский читатель с близким авторскому опыту мог отождествить Вузи и Лолиту. Но ассоциации могли пойти и дальше — в повествовательный контекст мог попасть и сам Набоков. В СССР было принято отождествлять автора и рассказчика: «Обратимся к первому отклику на роман. <...> В 1959 году Ю. Чаплыгин познакомил советских читателей с «прелестной незнакомкой» Лолитой <...> В статье «Чары Лолиты» Чаплыгин невольно заложил основные принципы восприятия романа в Советском Союзе. <...> Чаплыгин полностью идентифицировал Набокова с Гумбертом Гумбертом. Из его слов следовало, что писатель рассказал о себе самом, да еще и нарочно изобразил собственные порочные наклонности в привлекательном свете, стремясь погубить неокрепшие души молодежи»⁵.

Если рассказчик Гумберт Гумберт — это «сам Набоков» в «Лолите», то с Набоковым может ассоциироваться и рассказчик Иван Жилин в «Хищных вещах века»⁶. Его «леген-

⁴ «Несколько слов о знаменитом Набокове». Из дневников Р. Г. Назирова // Назировский архив. 2014. № 3 (5). С. 144–145.

¹ OFF-LINE интервью с Борисом Стругацким. Апрель 2000. URL: <http://www.rusf.ru/abs/int0019.htm>

² Там же.

³ OFF-LINE интервью с Борисом Стругацким. Март 1999. URL: <http://www.rusf.ru/abs/int0009.htm>

⁴ OFF-LINE интервью с Борисом Стругацким. Апрель 2000. URL: <http://www.rusf.ru/abs/int0019.htm>

⁵ Шеховцова О. Ночь с «Лолитой». Роман Владимира Набокова в СССР // Вопросы литературы. 2005 № 4. С. 125–126.

⁶ Жилина и Гумберта, помимо прочего, связывает их шпионская деятельность. Бывший космолетчик прибывает в страну с разведывательной миссией, а Гумберт шпионит за Лолитой, скрывая свой интерес от будущей супруги. А в начале романа он прямо признается в том, что «wanted to be a famous spy» Ор. cit. P. 12. «мечтал быть знаменитым шпионом» Cit. соч. С. 19.

да» в том, что он литератор и приехал писать: «Написать что-нибудь всегда трудно, — сказал я. А хорошо все-таки, что я не писатель» (с. 270); «Я писатель, Амад. Мне понадобятся брошюры об экономическом положении масс» (с. 275); «Литераторы непостоянны, уверяю вас. Я сам литератор» (с. 300). Ситуация «писатель поселяется в доме вдовы, живущей с молодой дочерью» сама по себе уже способна вызвать нужный ассоциативный ряд у просвещенного читателя, но нас ожидает ещё один замаскированный намек. Встретивший Жилина сразу после приезда туристический агент Амад предлагает тому поселиться в отеле:

— Есть два превосходных отеля в центре города, но, по-моему. . .

— Да, это тоже не годится, — сказал я. — Отель налагает определенные обязательства. И я не слышал, чтобы кто-нибудь мог написать в отеле что-либо путное. (с. 268)

В следующей реплике раскрывается смысл этого диалога: Амад и Иван вспоминают про написанную в отеле «Флорида» пьесу Хемингуэя. Однако разговор о сочинительстве в отелях приобретает особое звучание в набоковском контексте: к моменту написания «Хищных вещей века» Набоков уже почти три года живет в Монтрё в отеле «Палас». Трудно установить, был ли этот факт известен в СССР, и был ли он известен конкретно Аркадию Стругацкому, но в свете других многочисленных набоковских аллюзий такая версия начинает звучать правдоподобно.

До сих пор я перечислял общие мотивные элементы двух прозаических текстов, но не раскрывал, в чем могла бы состоять функция их появления в повести Стругацких. Оставаясь в рамках традиционных для отечественного литературоведения координат, я должен был бы сказать, что «Лолита» является источником «Хищных вещей века», что было бы малоубедительно. Повесть Стругацких абсолютно оригинальна по отношению к Набокову, и было бы трудно представить такую траекторию, которая, имея отправной точкой «Лолиту», привела бы к советскому фантастическому произведению. У двух текстов есть общий идеологический компонент — критика общества потребления. Роднит их и идея двойной жизни: благообразной дневной и противопоставленной ей ночной, поднимающей на поверхность пугающие потаенные желания. Но для того, чтобы создать такую художественную концепцию, читать «Лолиту» было бы совсем не обязательно.

Зато отсылки к «Лолите» могли бы быть важным сигналом Стругацких своему читателю. К 1964 году писатели уже во многом разочаровались в советском строе: «Но я неплохо помню это «переломное» время-вторая половина 50-х-и вполне могу свидетельствовать (от своего имени и даже от имени всего моего поколения), что это действительно было время утраты идеалов. Главную роль тут (на мой в<з>гляд) сыграла смерть Сталина и «развязавшиеся языки». Еще не было пресловутых разоблачений, но Великий Немой уже заговорил. Отпустило. Стало можно. Многолетний леденящий ужас Всеобщего Архипелага сменился «нервно-судорожным обменом мнениями». Каждому было что сказать о страшном Минувшем: о дяде, расстрелянном в 1937; о том, как мать вербовали в 48-м; о том, как топили

проститутток под Мурманском в 45-м; о том, как зэки строили МГУ; о том, сколько народу раздавлено было на похоронах вождя. . . Это был поток чудовищных разоблачений и откровений, беспощадно размывающий, обращающий в грязь все наши «светлые дали», замечательные мифы и легенды, которые 30 лет строили вокруг нас, овечек блеющих, мастера «социалистического реализма». Однако, это было еще только самое начало Прозрения. Мифы, живущие в наших душах, были настолько могущественны, что совладать с ними никакая Страшная Правда не могла. Мы еще верили. Мы знали твердо: да, были просчеты, ошибки, плохие люди попадались у власти. Страшно признать, но «ОРГАНЫ ИНОГДА ОШИБАЛИСЬ!» Но Партия не ошибалась никогда!!!. И понадобилось еще несколько лет разоблачений, — кухонных и общесоюзных, — понадобилась Венгрия, понадобились совершенно идиотские эскапады высокопартийных «борцов с абстракционизмом», чтобы дошло до нас с непреложностью окончательного факта: нами правят жлобы и палачи, враги коммунизма (того коммунизма, за который мы все еще готовы были стоять), личные наши враги, враги наших идей, наших целей, наших книг, наших друзей. . . »¹

В это же время: «Знакомство с произведениями Набокова автоматически приобщало к неофициальной «элитарной» культуре, к некоему слою избранных, ощущавших себя в противостоянии режиму»¹. Лолита — это во многом антисоветский роман, вернее, роман, прочитанный как антисоветский, причём известный многим потенциальным читателям «Хищных вещей века»: «Благодаря ей <Лолите — Б. О.> Набоков сделался очень популярным в среде диссидентствующей столичной интеллигенции. Каноническая набоковская фотография (а бытование любого классика литературы немислимо без утверждения канонического изображения, закрепляющего его образ) — ироничный наклон головы, лукавый прищур, откровенно декоративное пенсне — очень скоро вытеснила из интеллигентского иконостаса бородатого «старика Хэма», а романы Набокова вошли в «джентльменский список» просвещенной советской элиты»².

«Лолита» отвергает идеалы советской нравственности, и тем самым ортогональна самому советскому строю. Отсылки к набоковскому роману (довольно безопасные, учитывая вероятное незнакомство с текстом цензоров) служили своего рода контрабандным сообщением, отправленным таким же, как и сами писатели, читателям, разочаровавшимся в советской власти и советском политическом руководстве. Набоков, таким образом, не был источником вдохновения, идей или элементов художественной формы для советских фантастов, он был шифром, имеющим второстепенную в рамках художественного целого, но вполне осмысленную в рамках литературной прагматики, коммуникативную задачу.

¹OFF-LINE интервью с Борисом Стругацким. Февраль 2012. URL: <http://www.rusf.ru/abs/int0161.htm>

¹Шеховцова О. Цит. соч. С. 118.

²Мельников Н. // Классик без ретуши. Литературный мир о творчестве Владимира Набокова. М., 2000. С. 266.

